

Подниматель пингвинов

Михаил Задорнов собрал в Магнитке безусловный аншлаг

Окончание. Начало — в № 123.

— Вы так хорошо говорите, что забываю, какой вопрос я вам задавала. И еще вы всегда — на грани между шуткой и серьезными вещами...

— Да что вы, я никогда не отвечаю шуткой — всегда только серьезно. Просто шутка прибавляет веры в то, что я говорю. Потому что сегодня быть назидателем, какой была, к примеру, Елена Рерих, нельзя. Если молодежи начать рассказывать, какими они должны быть, согласно учению Елены Рерих, они вообще перестанут слушать. А если им говорить шуткой, они воспримут право учение более охотно.

— То есть, отвечая на вопрос: «Как вы относитесь к тому, что к власти рухнули криминальные авторитеты?» фразой: «Поставь такого главу МВД, и Чечня давно бы закончилась», вы полностью уверены в том, что молодежь воспримет вас адекватно и не побежит завтра голодовать за этого криминального авторитета?

— Во-первых, понимаете, я уверен, что ответил правильно, потому что среди бандитов бывают такие люди, которые давно хотят, что называться, замолить свои грехи.

Среди моих знакомых есть финансист, которого знает вся страна — без преувеличения, поэтому фамилию его я называть не буду. Он, кстати, и прославился тем, что сумел выстроить генеральные финансовые схемы и с их помощью обогатить всю страну. А я в то время возглавлял Фонд помощи русскоязычному населению, который занимался, в частности, вывозом русских из Прибалтики и других стран бывшего Союза. И этот финансист часто мне предлагал: «Слушай, Миш, помоги там людям, я тебе денег дам». Самому было стыдно «светиться», у него же слава плохая, а помочь хочется — остался в нем что-то святое. Многие бандиты сегодня действительно хотят жить по-другому, и не удивляйтесь. Между прочим, один из апостолов — Павел — тоже начинал свою историю страшным безбожником.

— Да, я слышала — он, кажется, резал христиан.

— Совершенно верно. А потом он стал таким прилежным христианином и принес много пользы. Вот так же могут сегодня многие бандиты. А среди сегодняшних политиков и депутатов я лично — только я прошу вас написать подробно, потому что, наверное, есть порядочные, но я лично не знаю ни одного. Покажите мне среди депутатов хоть одного человека, который бы ценил труд, а не бизнес. А это для меня уже проявление порядочности.

— И Чубайса вы уж больно не любите — во всяком случае, чаще всего именно ему вы достаетесь.

— Потому что Чубайс — это символ, знаковая фигура. Пока был жив Каганович, это была знаковая фигура связи со сталинизмом. По аналогии могу сказать, что, пока у власти Чубайс, мы не будем ценить трудового человека. Хотя мне лично самого Чубайса просто жалко, потому что ему приходится жить с кармой ненависти всего народа: его то убить хотят, то посадить — можно только посочувствовать.

— Вы, я гляжу, состоявшийся философ?

— Ну как вам сказать — я люблю философствовать, это верно: меня просто пленяют древние восточные теории — ни в коем случае не современные. Однажды меня Никита Михалков в шутку обзвал буддистом, и это прозвучало для меня почти оскорблением, потому что я — православный человек, кроме того, далеко не все в буддизме как таковому меня устраивает. Например, там нет понятия «любви», поскольку она в этом учении приравнивается к привичке, а согласно буддизму, от всех своих привичек нужно отказаться. Ну и как прикажете мне жить без любви? Ведь любовь — это проявление Бога на земле. И, кстати, если Будда проснулся бы сегодня и увидел, во что превратили буддийские храмы, он был бы недоволен. Впрочем, Иисус тоже вряд ли обрадовался бы, увидев лица наших попов и узнав, какие у многих из них счета за грехи.

— Еще Будда очень удивился бы, узнав, что в Японии, например, статуя Будды лепят с лицом Дэвида Бэхмема.

— Генерально сказали — очень смешно. Это аналогично можно продолжить: таджики в свое время тоже ставили памятники Ленину с таджикским лицом.

— Я сначала хотела спросить вас, не хотите ли вы сами пойти во власть, да потом прочитала одну вашу фразу: «Я так же мало представляю себе рвущегося к власти Пушкина, как и стреляющего Чубайса и Березовского».

— Бог мой, даже я это забыл!

— А я вот помню. Так вот, известный телеведущий Владимир Соловьев, будучи в гостях в Магнитогорске, сказал, что

у нас есть стереотип: мы считаем власть мерзостью, поэтому оставляем ее мерзавцам, а потом живем по их мерзким законам и удивляемся, почему все так плохо. Как вы прокомментируете это? Не лучше ли встать и пойти во власть умному порядочному человеку?

— Встать и пойти... Понимаете, надо делать то, что ты умеешь делать хорошо — у каждого на свете есть дело, которое у него получается лучше всего, им ему и надо заниматься. У меня есть свой путь, и это не путь политика. Если я пойду в политику, меня с моими взглядами либо сразу же «задушат», либо просто убьют, и я в любом случае не принесу никакой пользы. Зато я, допустим, могу создать школу, в которой будут учить не только тому, чего требует государство, а факультативно преподавать то, чего нет в учебниках. Вот, скажем, об Аркаме в истории ничего нет, а я могу нанять преподавателя, который будет рассказывать о нем школьникам. И по литературе мы будем проходить не только Цветаеву, Пастернака и Мандельштама, потому что их не признавало советское правительство, но и забытых Подосевого, Алексея Толстого, Маяковского, Есенина, Евтушенко и других чудесных советских писателей, которые творили при советской власти.

— Это ведь Булат Окуджава вам сказал: «Зачем вы пишете такую дрянь, когда у вас есть такие замечательные серьезные рассказы?»

— Да, это он сказал. И до сих пор борюсь с его фразой, так что честь ему и хвала, что он так сказал.

— Мне очень понравился ваш ответ на вопрос в одном из интервью: почему на вашем счету так мало денег при том, что вы так хорошо зарабатываете? И вы ответили: «Потому что я люблю тратить деньги на путешествия, кроме того, у меня в жизни есть люди, о которых мне обязательно нужно заботиться, иначе я не получу настоящего удовольствия от жизни».

— Это кабала.

— Ну, бросьте, не развешивайте моего очарования вами! Это было сказано так трогательно и по-мужски по отношению к своей семье — немногие умеют так говорить!

— А почему ваше очарование должно развешиваться? Кабала — это очень умное учение. Оно говорит, что есть два вида эгоизма: первый — примитивный — это удовольствие от удовлетворения своих потребностей. А второй, высшая степень эгоизма — когда человек получает удовольствие от того, что доставляет удовольствие другому. Мне нравится доставлять удовольствие людям. Интересно, что это еврейская философия, а заложена высшая степень эгоизма в русских людях: мы обожаем что-то дарить, делать что-то для других и получаем колоссальное удовольствие от этого. Западный человек, приезжая в ту же Латвию, получает от гостеприимных хозяев дорогие янтарные ожерелья, национальную одежду... А в ответ дарят значок города, откуда он приехал — вот вам и разница менталитетов: наши получают истинное удовольствие от траты денег.

— Я читала об одной вашей вечеринке в Ялте, когда вы за три дня дали девять концертов, заработали 90 тысяч и, не зная, на что их потратить, пригласили всех на вечеринку с бассейном и другими атрибутами роскоши.

— Да, и получил от этого удовольствие. Тогда вы объяснили свою широкую натуру тем, что деньги в то время не на что было тратить. А сейчас вы так же широко гуляете?

— А сейчас я широко гуляю в путешествиях. Я не люблю считать деньги. Но мне повезло в жизни, у меня есть возможность заработка, так что ко мне примеряться всем нельзя.

— Вам повезло или это вы так «себе повезли»?

— Мне повезло с родителями: они так меня воспитали, что я сумел себе сам все в жизни сделать — так, наверное, будет правильно. И нельзя навязывать мои взгляды человеку, который живет в провинциальном городе, работает сутками, получает 500 долларов, ему внушают, что это очень много, а он постоянно сидит без денег. Я могу дать пять концертов, купить авиабилеты высшего класса, забронировать гостиничный номер, заплатить за это 45 тысяч долларов, а потом летать в Южную Америку, Бразилию, брать частные самолеты, вертолеты — я могу себе это позволить.

— (Мечтательно вздыхает). И не завидно ли вам?

— И хорошо, что не завидно — зависть к насморку ведет.

— То-то и сию — шмыгаю. Вы говорите публике то, что действительно хотите сказать или то, что она хочет слышать? Другими словами, на поводу у публики вы идете?

— Нет. Я говорю то, что хочу, но при этом

у нас с публикой совпадают волны — я ведь медитум в этом плане: я чувствую энергетику зала. И когда несколько лет назад, выступая на телевидении в прямом эфире, я порвал американскую визу, я буквально почувствовал, как на меня через экран прет волна людской радости и гордости.

— Вот, мол, не врете — наш человек!

— Да-да, и он не словами, а делом доказал, что ему плевать на Америку. А мне действительно на нее плевать, как и на богатых людей, в отличие от нашей интеллигенции: основная проблема нашей интеллигенции в том, что она идеализирует богатых.

— Наверное, потому, что ей самой хочется быть богатой.

— Да, потому что она забывает, что слово «богатый» произошло от слова «бог». И по-

шито: показал древнюю славянскую мудру.

— Если вы так принципиальны по отношению к деньгам, почему тогда отказываетесь от выступлений на корпоративных вечеринках? Причем вы так красиво об этом сказали, и себя возвысил, и при этом не унижал тех, кто эти корпоративные вечеринки делают: «Нет тех денег, которые заставили бы меня выпустить перед столиком, что бы я ни сказал, бутерброд с икрой и омары все равно перевесит» — красиво.

— Слушайте, как вы все помните?

— Я просто преклоняюсь перед людьми, которые в совершенстве владеют русским языком, а вы к такому относитесь безусловно, взять хотя бы слова, придуманные вами: «бесперспективный», «евро-американец»...

— Могу еще подбросить: западное учение для нас — западня... Есть такие слова, действительно.

— Я знаю, что вас достали вопросами о национализме, но не могу не задать вопрос: вы, как знаток в этой области, хотели бы взять от каждой национальности, чтобы «вылепить» идеального человека будущего? Или это такая же утопия, как создание универсального языка эсперанто?

— Нет, почему же: умение радоваться, когда доставляешь другому удовольствие, я бы взял от русских. У американцев я научился бы умению обставлять жизнь туловищем. Потому что, если американцы делают машины, то в них прежде всего удивительно удобные сиденья. Немцы экономят, их задача — вместить свое туловище в меньший объем, а американцы свое тело холят и лелеют. От французов я бы взял, конечно, тонкость для жизни туловища. От африканцев я бы взял любовь к национальному — они не стыдятся своего: национальная одежда, музыка, традиции, и они этого абсолютно не стесняются. От швейцарцев я бы взял

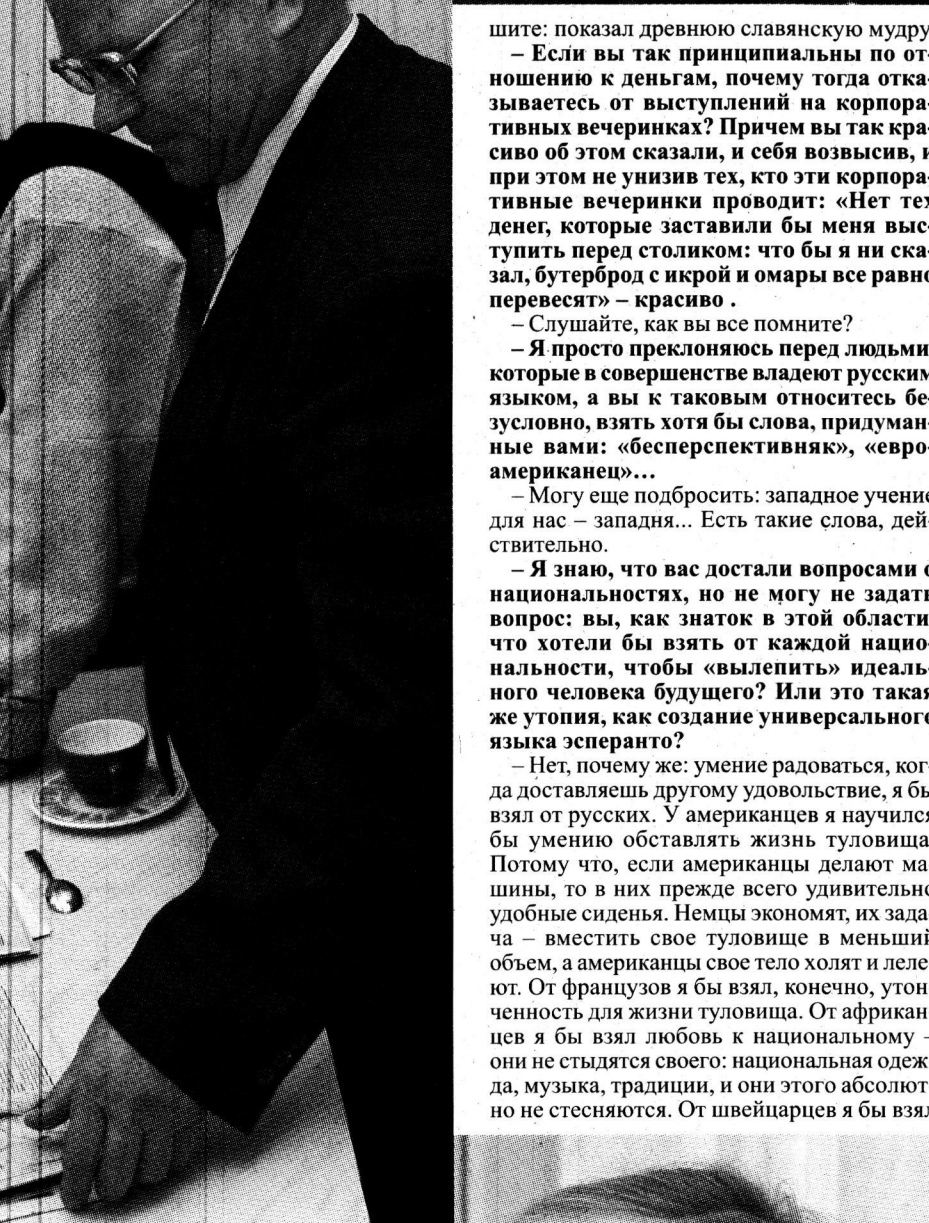
этому она перестала писать книги, хорошие картины, снимать трогательные фильмы — все идет на поток, как фордовский конвейер: качественно, но без души — все делается, но не творится. Посмотрите на наш юмор: остался Жванецкий, который поет, как соловей. Можно соглашаться с тем, что он творит, но в одном нельзя усомниться: он не делает юмор, у него он рождается, как у талантливого человека.

— Положите, вы же сами сказали, что талантливый — это вы, а Жванецкий — гениальный!

— Господи, ну я же не виноват, что вы так хорошо помните то, о чем я говорил! Он гениальный литератор. По мыслям — нет, до Достоевского он недотягивает. Ведь теперь он пишет о себе любимом, о своих переживаниях, а в советское время он сопереживал людям. Но и сейчас в литературном аспекте это гениально.

— По поводу сатиры: в последних ваших интервью вы очень резко высказываетесь и о телевидении, и о сатире. Я вот только так и не понял: вам не нравится сама сатира сегодняшняя или монтажные нарезки на телевидении, которые делают сатиру пошлой, поверхностной и беззубой?

— Конечно же, в первую очередь я недоволен тем, как цензура этим занимается. Ведь цензура советская и сегодняшняя — это разные вещи. В советское время она была открытой, все о ней знали и пытались как-то завуалированно донести свои мысли до народа. А сейчас цензорами стали редакторы каналов, которые боятся, что их уволят. Таким образом, деньги сегодня стали цензором гораздо более серьезным: хозяева страны не надо никого запугивать — достаточно держать в испуге главных редакторов. Это первое. Второе — юмор очень рейтинговый, потому что не может быть иным при таком количестве пасквильной информации, которую вываливают журналисты на зрителей — он идет как положительным противовесом. К тому же, малообеспеченные слои населения не могут позволить себе билет на

концерт и смотрят телепрограммы. Отсюда — высочайшие рейтинги. А бизнесменам ведь не объяснять, что смотрят-то старушки, в основном: раз смотрят — значит, надо вставлять как можно больше рекламы по баснословным ценам. Не анализируют они еще...

— Не мониторят.

— Вот — не промывают. Так они еще и артистам не платят.

— Но ведь для вас выступление на телевидении — это бесплатная реклама, а значит, гарант популярности и аншлагов на концертах в провинции.

— Правильно, но зарабатывают они на нас больше, чем мы на них. Но, в конце концов, это трагедия самих артистов: не хотите спорить — живите так, как живете. А я так жить не буду: я лично без денег на телевидение даже не сунусь.

— То есть, вы не платите телевидению за то, что вас показывают?

— Вот им (показывает фигу). Так и напи-

часы, от итальянцев — часть их кухни. Не пишу, которую придумали из отходов того, что было, а здоровую пищу, которой славится Италия. А вы знаете один случай с пиццей? Жена Гарибальди должна была зайти в ресторан к одному итальянцу, и он сделал ей пиццу как символ желания заработать на том, что не доел. Так он еще сделал пиццу в цветах итальянского флага: ешь, мол, отходы, да еще с итальянским патриотизмом — это гениальное умение итальянцев пиарить все на свете. Это ведь они пропарили фигуры шуруров. Итальянские дизайнеры — в основном геи, им все равно, какие фигуры у женщин, и они пропарили на весь мир художников девиц. А нормальным мужикам такие нравятся просто не могут, поверьте мне. У меня несколько знакомых бизнесменов, которые по несколько раз были женаты на моделях, а изменяли им с нормальными русскими женщинами.

— А смысл?

— А пиар? Надо появляться с той, которая выше. Они и Везувий своей пропагандой гениально. Я был на всех самых высоких вулканах мира, и из всех из них самый поганенький — это Везувий. Он прославился только тем, что загубил много народов. И, вероятно, с тех пор он приносит итальянцам безумные деньги.

— Даже вы на эту удочку попались?

— Да, даже я. Поэтому итальянцев я называю пиарастами и переносить их не могу. Американцы тупые, но хоть хорошие и добрые, как дети. А итальянцы все время думают, как бы тебя «развести», отнять деньги и обмануть. Еще одно неудобное для меня качество — они говорят все разом, и не поймешь, чего они от тебя хотят.

— Может быть, какой-то вопрос вам журналисты еще не задавали, а вам бы хотелось поговорить на эту тему?

— Есть такие вопросы, они у меня возникают ввечеру, и я думаю: ой, надо бы сделать с собой интервью, записать все это и опубликовать. Наверное, это будет очень интересно, потому что никто так не знает примитивности моего существования на земле, как я сам.

— Слушайте, вы постоянно говорите: «Я несчастный, я не всегда правильно и нравственно поступаю», а мысль свою ни разу не продолжили. У вас, я знаю, в детстве было три привода в милицию — за что?

— Первый раз — за то, что я своровал печенье. Шел с девушкой мимо магазина, мне хотелось показать ей, что я уже мужик, хотя я еще и не брился в то время, и я своровал печенье. Меня засекли и привели в милицию. Второй раз привел был, потому что я состоял в детской бандитской организации «Пятак», и мы отнимали у молодежи по 20, 30 копеек.

— Ну, это уже грабеж!

— Да, грабеж. А вы, кстати, знаете, что те, кто дерется на улице, могут победить даже боксера? Если боксер сразу же не выбьет такого из колеи точным ударом — все, считай, хана. Драка — это самый русский вид спорта: выделяется масса адреналина, и можно «уделать» любого.

— Мы очень долго думали, в какой рубрике опубликовать ваше интервью: «Кумир» или «Действующие лица». Решили все-таки в «Действующих лицах», потому что «Кумир» — это рубрика описательная: родился, женился, развелся... А «Действующие лица» помогает высветить жизненную позицию человека. У вас есть жизненная позиция? Одну я слышала: давайте жить радостно. А еще?

— Незакодированность, роскошь иметь свое мнение и слушаться знаков. Если я заболел, я сразу начинаю думать, в чем я не прав. Когда после сорока меня одолели болезни, я понял, что должен поменять отношение к ним, воспринимать болезни как близких друзей. И тогда они отступают. У меня есть недуг — подагра: как только я обожусь чего-нибудь, меня сразу тошнит.

— Вы похудели, кстати, очень.

— Это хорошо. А вы почему-то сказали это таким тоном, будто пожалели меня.

— Нет, что вы, я вам завидую!

— Я не худел специально, diet я вообще не признаю — просто стараюсь соблюдать культуру еды. Вот едите вы салат из морепродуктов — да, он безусловно полезен, но только в том случае, если не заправлен майонезом. Потому что майонез в किшечнике бродит, а продукты брожения способствуют полноте. Майонез, уксус — калорий мало, а дают полноту. Почему американцы раздулись? Они едят холодные соки. А соки, даже свежие, но холодные, надо пить за час до и после еды, но никак не запивать ими еду. Я хочу книгу об этом написать.

— Это было бы замечательно.

— Да, я хочу написать книгу, как самостоятельно избавиться от различных болезней: гастрита, диабета... Диабет, как и подагра, — это неправильный способ жить. Поменишь его — он уйдет. Сложнее с наследственным диабетом, а с приобретенным легко. Думаю, этой книгой я принесу народу пользу.

— Однозначно!

Наше интервью закончилось, когда до концерта оставалось 15 минут. Но Михаил Николаевич сам не спешил расставаться с нами, искренне шутил и рассказывал забавные случаи из своей жизни. Но вот он подошел к сцене, и лицо его стало серьезным — надо еще проверить микрофон и надеть концертный костюм.

Задолго до приезда Михаила Задорнова в Магнитогорск глава компании All Stars Андрей Зайцев предупредил меня о том, что концерты сатирика длятся три часа, а то и больше — «как покаты». Думала, что это, мягко говоря, преувеличение. Но на сцене Дворца культуры металлургов имени Серго Орджоникидзе Задорнов «отстоял» возле микрофона больше четырех часов — и все на одном дыхании, прерванном только 20-минутным антрактом. Так в Магнитогорске не работал еще никто.

Смеялись до боли в животе, а мышцы лица так устали растягиваться в улыбку, что во второй части концерта зрители напоминали зомбированную публику: лица каменные, а смех настоящий. Уже выйдя из зала, отстояв в очереди к гардеробу и даже подходя к трамваю, народ еще долго цитировал шутки сатирика и смеялся до слез, вновь и вновь переживая моменты концерта. И все равно, как после хорошего кавказского вечера, запомнил всех шутков великого Задорнова не удалось — все смешалось в едином восхищенном впечатлении.

Да, чуть не забыла: почему «подниматель пингвинов»? Это сам Задорнов рассказал на концерте о том, что на Северном полюсе есть много забавных профессий, в том числе и эта. И тут же добавил: «Сейчас же считайте поднимателем пингвинов». Философская мысль, особенно, если понять, что пингвины в данном случае — мы с вами. Но почему-то за это нелицеприятное высказывание я Задорнова не в обиде. Что тут скажешь: ваша правда, Михаил Николаевич.

Рита ДАВЛЕТШИНА.

Фото Евгения РУХМАЛЕВА.